

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА КАК ИНСТИТУТ САМОУПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сафонов Александр Александрович
профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: asafon_1970@mail.ru
119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

К числу значимых атрибутов гражданского общества принадлежит самоуправление, посредством которого функционируют общественные институты. Для России имперского периода и первых послереволюционных лет с преобладанием крестьянского населения характерной формой местного сельского самоуправления являлась крестьянская община, которая на протяжении длительного исторического периода претерпевала эволюцию под влиянием как внешних факторов (экономика, идеология и налоговая политика государства и др.), так и внутренних, связанных с особенностями развития крестьянского «мира».

Революция 1917 г. и сопровождавшие ее процессы экономической разрухи, распада основ государственности, разрушения правового пространства способствовали реанимированию общины как глубоко укоренившегося в сознании крестьян института сельского самоуправления. Община выступила в качестве важного фактора осуществления земельных преобразований в Советской России, став посредником между государством и отдельным крестьянским хозяйством. Распределительный общинный механизм использовался властью в ходе уравнительного перераспределения национализированной земли.

Известный западный исследователь процессов эволюции общинных институтов в послеоктябрьской советской деревне М. Левин в научном исследовании «Российские крестьяне и советская власть. Исследование коллективизации» (Нью-Йорк; Лондон, 1975) убедительно доказал, что крестьянский «мир», приходивший под влиянием развития капитализма в дореволюционной России в упадок, возродился в ходе аграрной революции

1917 г. и представлял собой основной институт социальной организации советской деревни. «Сельский сход, – писал М. Левин, – был глубоко укоренен в сельской жизни и продолжал решать все основные ее проблемы, не оставляя ничего на долю советских органов. Крестьянство, в особенности наименее зажиточная часть, обнаруживало большую привязанность к миру, поскольку он обеспечивал какую-то подстраховку от житейских неурядиц».¹

В то же время М. Левин подчеркивал, что возрождение общины в период революции привело к архаизации социальной структуры деревни, суть которой сводилась «к попятному движению в разных формах». Так, «крестьяне уничтожили все достижения столыпинской реформы, почти все развитые очаги товарного зернопроизводства. Пресловутое осереднячивание (деревни – А.С.) имело свою историческую цену».² Соглашаясь с данным выводом историка, отметим лишь справедливость замечания, высказанного по этому поводу В.П. Даниловым. Признавая несомненным фактом наличие элементов архаизации социальных форм в ходе революции, он считал необходимым учитывать то обстоятельство, что люди, воссоздававшие старые формы социальной организации, были уже другими. «Это были отнюдь не те старики, которые правили прежней общиной и воплощали собой традицию. Это были люди, которые прошли революцию, прошли первую мировую войну, были достаточно социально активными и, воссоздавая старые социальные формы, воспринимали их уже не как вечное, единственно правильное и возможное, а как то, что сейчас необходимо, но подлежит замене, что нужно будет искать другие формы и способы социальной организации».³

Несмотря на свое важное место в сельской жизни, в период коллективизации община была уничтожена. Главной причиной тому явилось ее несоответствие планам аграрных преобразований советской власти. Обладая широкими внутренними возможностями для организации кооперативных объединений, община содержала в себе и мощные частнособственнические стимулы (экономическая самостоятельность сельского хозяина, его право свободно распоряжаться результатами своего труда и др.) и не могла стать основой коллективизации в сталинском варианте. Не соответствуя менталитету крестьянства, она неизбежно принимала насильственный характер и вела к разрушению общины.

¹ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. № 4-5. С.50.

² Там же. С.59.

³ Там же. С.48.

Предпринятое в настоящей статье исследование общинной формы организации крестьянского населения в первое десятилетие советской власти базируется на комплексном изучении широкого круга источников, связанных с региональными аспектами жизнедеятельности крестьянской общины: архивных материалов, законодательных и нормативных документов партии и правительства, воспоминаний работников советского и партийного аппарата, материалов периодической печати, справочных и статистических изданий. В качестве модели исследования взята Тамбовская губерния – типичный регион Центрально-Черноземной России, отличающийся развитыми формами помещичьего землевладения и высокой ролью традиционных общинных институтов местного крестьянского самоуправления.

Наибольшую ценность представляют архивные источники исследования. В Государственном архиве Тамбовской области было изучено множество фондов, отражающих хозяйственную, социальную и политическую деятельность общины в послереволюционные годы. Ценнейшим источником является документация учреждений государственной власти, представленная отчетами, протоколами, постановлениями, распоряжениями, перепиской, материалами обследований, стенограммами заседаний и т.д.

Эволюция традиционного общинного самоуправления в послереволюционной деревне

Сложные социально-экономические и общественно-политические процессы, протекавшие в послереволюционной деревне, существенным образом повлияли на положение в ней традиционных органов самоуправления русского крестьянства.

После Октябрьской революции на смену старым должностям сельского управления пришли сельские крестьянские комитеты и Советы, осуществлявшие, главным образом, административные функции органов дореволюционного крестьянского самоуправления. Избиравшиеся на сельских сходах, Советы несли в себе черты общинной организации крестьянства. В 1917-1919 гг. сеть местных Советов в Тамбовской губернии нередко строилась с учетом особенностей территориального размещения общин. Села, состоявшие из двух и более общин, имели несколько общинных (общественных) Советов. Как справедливо отметил В.В. Кабанов, «крестьянские Советы рождались из понятной и близкой крестьянству идеи локально ограниченной общественной организации. Они были в первую

очередь органами самоуправления (мирские организации) и лишь во вторую очередь – органами государственной власти. Общинные принципы отразились и на характере выборов в Советы, и на их построении».¹

Впоследствии происходил сложный процесс организационно-правового отделения Советов от общины. В кратком руководстве о деятельности Советов, разработанном в 1920 г. Тамбовским губернским отделом управления, предлагалось в селениях, состоявших из нескольких «обществ», создавать один сельский Совет. Завершение формального размежевания общины и Советов произошло после издания ВЦИК РСФСР в 1921 г. Положений административной комиссии. В них выдвигалась задача объединения вокруг сельского Совета нескольких селений и превращения его в самостоятельную административно-территориальную единицу. С этого времени и вплоть до начала сплошной коллективизации в деревне функционировали два органа местного управления: сельсовет, как орган государственной власти и сход, как традиционный институт сельского самоуправления.²

Правовое положение крестьянской общины существенно укрепилось с введением в действие 1 декабря 1922 г. Земельного кодекса РСФСР, который предоставил общине права юридического лица и оформил ее в земельное общество.³ Земельный кодекс 1922 г. наряду с «Нормальным уставом земельного общества», утвержденным 5 января 1926 г., вплоть до конца 1920-х гг. определяли основные направления и сферу хозяйственной деятельности крестьянской общины. Создание прочной правовой основы для ее функционирования свидетельствовало о признании советской властью доминирующей роли этой формы земельной организации в жизни села, что также подтверждалось и статистическими данными о землях сельскохозяйственного назначения, находившихся в пользовании общин. На 1 января 1927 г. в целом по РСФСР в общинном землепользовании находилось 95,4% крестьянских земель.⁴

Вместе с тем, взаимодействие органов общинного самоуправления и сельского советского аппарата в Тамбовской губернии представляло собой

¹ Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. М., 1984. Т. 111. С. 108.

² Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 36 об.; Бурцев Е.К., Когинов Г.И., Чистковский Н.В., Шаврин Н.В. Низовой бюджет и общественное хозяйство деревни. М., 1928. С. 65.

³ Козлов Н.И. О земельном обществе. М.–Л., 1926. С. 17; Земельный кодекс 1928 года. Л., 1928. С. 169-170, 189.

⁴ История Советского крестьянства. М., 1986. Т. 1. С. 323.

весьма сложную картину. Немалое распространение получило в губернии обособленное существование сельсовета и земельного общества. Подобное положение во многом объяснялось значительным расстоянием, отделявшим некоторые селения Тамбовской губернии от сельских административных центров. В первой половине 1924 г. в ходе кампании по укрупнению сельских Советов их число сократилось в Тамбовской губернии с 1665 до 700. В результате многие сельсоветы были вынуждены обслуживать до 18-ти и более населенных пунктов, входивших в их территориальные границы, что существенно затруднило их контакты с земельными обществами. Внимание сельского совета сосредоточилось «лишь на селе, где находится сам сельсовет, а где село за 15 верст, он там бывает раз в год».¹ В этих случаях низовой советский аппарат был далек от действительного руководства жизнью своего района, предоставляя широкие возможности для деятельности традиционного органа мирского самоуправления – схода.

Объединение деятельности схода и сельсовета путем передачи последнему функций исполнительного органа общинного самоуправления являлось вторым наиболее распространенным в Тамбовской губернии типом взаимоотношений между данными сельскими организациями. В ряде мест сельсоветы, в обход действующего законодательства, осуществляли администрирование всех земельных обществ, находящихся на их территории.

Земельные общества, передавшие сельскому Совету функции своих исполнительных органов, начинали рассматривать его не только как представителя революционной диктатуры в деревне, но и как орган общинного самоуправления, способный отстаивать жизненные интересы крестьян. Этому способствовало и то обстоятельство, что сельсоветы получали значительную часть средств на свое содержание из бюджета земельных обществ.²

В соответствии с Земельным кодексом 1922 г., главным органом, ведавшим делами земельного общества, являлся сход. Он определял организационные принципы деятельности общества (составлял устав общества и т.д.), выработывал порядок пользования землей и другими сельскохозяйственными угодьями, осуществлял прием в состав общества новых членов. Важными функциями схода являлись осуществление земельных переделов и наделение землей «примаков» (крестьян-одинок, принятых в

¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 949. Л. 77-79.

² Там же. Д. 951. Л. 71; Д. 787. Л. 13.

состав крестьянского двора).¹ В обязанности схода входили также регламентация общественных повинностей и сбор денежных средств для оплаты землеустройства и расходов по судебным делам. Кроме того, сход обсуждал и утверждал договоры и торговые сделки с кооперативными и государственными учреждениями, осуществлял займы и получал ссуды в кредитных организациях.²

Законы и постановления советской власти способствовали демократизации схода. С изданием Земельного кодекса 1922 г. право участия в работе схода получили не только домохозяева, но и все полноправные члены земельного общества мужского и женского пола, с момента достижения 18-летнего возраста. Крестьяне-общинники моложе 18 лет могли присутствовать на сходе в случае ведения ими самостоятельного хозяйства.³ Однако, как свидетельствуют архивные источники и материалы периодической печати, в большинстве мест Тамбовской губернии он долгое время продолжал оставаться собранием домохозяев. В связи с этим посещаемость сходов в Тамбовской губернии в целом была низка. В 1 полугодии 1926/27 г. она составляла в среднем 19,7% от всего числа избирателей. Причем количество женщин редко превышало 6% от общего количество участников собраний.⁴ В 1925 г. из Борисоглебского уезда сообщалось, что обычно «на сходах участвуют лишь представители отдельных хозяйств – старшие... Женщины и молодежь на таких сходах не участвуют».⁵

Демократизация схода в послереволюционной деревне предполагала широкое привлечение к его работе женского населения. Однако консерватизм во взглядах, приверженность традиционным нормам поведения и быта, а зачастую и обычное бескультурье, широко распространенные в крестьянской среде, мешали женщине занять подобающее ей место на сельском сходе.

Как отмечалось на одном из заседаний губернской комиссии по «оживлению Советов» (1925 г.), в целом ряде мест сложилось «возмутительное и ненормальное» отношение к женщинам, желающим участвовать в общественной жизни села. «Многие крестьяне смотрят на привлечение женщин к общественной работе, как на совершенно напрасную и даже

¹ Земельный кодекс 1928 г. Л., 1928. С. 184-185.

² Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 -1954 гг. (далее – СДЗЗ). М., 1954. С. 160-161; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 103.

³ Земельный кодекс 1928 г. С. 185.

⁴ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 53, 74 об., 103 об., 118, 151-151 об.

⁵ Голос пахаря. 1925. 8 августа; Тамбовский крестьянин. 1926. 16 июля.

вредную затею. Они говорят: «Куда бабам в общественные дела лезть, у бабы волос длинен, а ум короток; сидели бы себе дома, с горшками возились»... Иногда крестьянин гонит свою жену со схода, не позволяет ей участвовать в разрешении общественных дел».¹

Вместе с тем, несмотря на существовавшее у значительной массы крестьян негативное отношение к женщине-общественнице, нельзя не отметить постепенно возрастающую в послереволюционные годы роль представительниц «слабого пола» в жизни сельских обществ. Более того, переставали удивлять случаи, когда женщины занимали выборные должности крестьянского самоуправления.² Возрастающая общественная активность женщин во многом стала результатом проводимой советской властью политики, направленной на повышение роли крестьянки в жизни села и привлечении ее к участию в социалистическом преобразовании деревни.

Относительно социального состава схода. В каждой общине всегда присутствовало имущественное неравенство среди ее членов. Однако использовать при определении социальной структуры схода известные ленинские категории – батрак, бедняк, середняк и кулак – можно лишь с определенной долей условности. В деревне классовые признаки не проявлялись так отчетливо, как в городе. Хотя наличие эксплуатации кулаками беднейшей части деревни являлось неоспоримым фактом, определение принадлежности крестьян к данным категориям (не говоря уже о середняках, среди которых выделялись маломощные, крепкие и т.д.) представляется затруднительным. Положение крестьянского хозяйства было нестабильным. Оно могло существенно измениться под влиянием природоклиматических факторов, ценовой и налоговой политики государства, рыночной конъюнктуры, величины семьи крестьянина и его деловых качеств.

Немалое влияние на динамику процессов расслоения села оказали события революции, «военного коммунизма», новой экономической политики. Так, по сведениям Тамбовского губисполкома в 1917 г. бедняки составляли в губернии 27,6%, середняки – 45,8%, зажиточные – 17,4%, кулаки – 9,2% всего крестьянского населения. В 1920 г. в губернии насчитывалось 21,7% бедняков, 67,8% середняков, 9,9% зажиточных и 0,6% кулаков. По данным на 1924 г.

¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 951. Л. 134; Наша правда. 1925. 25 ноября; Тамбовский крестьянин. 1926. 10 сентября.

² ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1506. Л. 297; Красный звон. 1925. 19 декабря.

бедняков имелось 19%, середняков – 61%, зажиточных крестьян – 15,9% и кулаков – 2,9%.¹

Приведенные данные позволяют предположить, что на сходе преобладали наиболее авторитетные в крестьянской среде лица: крепкие хозяева, середняки, которые умели работать не только на земле, но и владели ремеслами, прошли школу войны, многие знали грамоту. Это подтверждается и материалами обследований населенных пунктов, проводимых Тамбовской губернской рабоче-крестьянской инспекцией, а также целым рядом сообщений губернской прессы тех лет. Так, материалы обследования Ивановского сельсовета Рассказовской волости Тамбовского уезда (1924 г.) свидетельствовали о преобладании в решении общественных вопросов середняков, к которым здесь относили крестьян, имевших одну-две лошади и корову, а также овец, свиней и, как сообщалось в источнике, «вообще более или менее хорошее хозяйство». Инструкторы утверждали, что середняки играли главную роль в различных сферах жизни села. «Они принимают самое деятельное участие во всех собраниях, усиленно поддерживают школу и вообще все культурные начинания. К медперсоналу, агроному и ветврачу относятся доброжелательно, очень интересуются их работой и с вниманием прислушиваются к их советам и беседам».²

Сравнительная однородность социального состава сельских сходов не делала крестьянский «мир» бесконфликтным. На сходах происходили трения между различными крестьянскими группировками, в особенности, при разрешении земельных вопросов. Накалу социального конфликта на селе в немалой степени способствовали создаваемые советским государством новые структуры самоуправления и общественные организации: Советы, комитеты бедноты, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, партийные ячейки, женские Советы, группы бедноты и др. Проводившаяся ими социально-классовая политика приводила к дестабилизации «мира». Не являясь уже единственной общественно-экономической организацией на селе, община постепенно теряла свои былые позиции.

Определенное влияние на решения схода оказывали представители сельской интеллигенции: учителя, врачи, агрономы, ветеринары. Многие из них принимали активное участие в работе сходов, обсуждавших вопросы развития местного образования, здравоохранения, сельского хозяйства,

¹ Тамбовская правда. 1925. 16 апреля.

² ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 787. Л. 5-6.

благоустройства и др. Под воздействием прочитанных лекций и докладов сходы выносили постановления о переходе к многополью, проведении внутриселенного землеустройства, сборе средств на поддержку школ и больниц, об избрании сельских санитарных комиссий и т.д.¹

Община как институт социальной защиты

Сельская община в России являлась не только хозяйственным союзом, но и институтом социальной защиты крестьянства. Поддержка «мира» имела весомое важное значение для крестьянского хозяйства, постоянно подвергавшегося воздействию неблагоприятных природных и социальных факторов (засуха, пожары, смерть или отсутствие работоспособных членов семьи, налоговый гнет государства и др.). Община нередко выступала единственным гарантом нормального функционирования хозяйства крестьянина, а в ряде случаев обеспечивала и физическое выживание его семьи.

Одним из проявлений функций общины как института социальной защиты может расцениваться ее участие в организации крестьянских выступлений в Тамбовской губернии в 1918-1921 гг. В конфликтах с властью она естественным образом становилась основой крестьянского сопротивления насильственным действиям государства. Вековые традиции общинной взаимопомощи во многих случаях оказывались сильнее искусственно разжигаемых в деревне классовых страстей. Крестьянин понимал, что беды соседнего двора могут коснуться и его собственного.

Главная причина недовольства крестьян заключалась в том, что своей политикой большевистское государство подрывало основы жизнеобеспечения крестьянства, чрезмерно вторгалось в сферу его интересов. Это осуществлялось как внеэкономическими методами, прежде всего с помощью продразверстки, размеры которой были непосильны для крестьян, так и экономически, через неэквивалентный обмен между городом и деревней. Отсутствие рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, а также заметное ограничение свободы торговли приводило почти к полной натурализации крестьянского хозяйства и в известной мере способствовало моральной деградации деревни.

Социальный протест тамбовского крестьянства государственной политике достиг особой остроты летом 1920 – осенью 1921 г., в ходе восстания под

¹ Там же. Д. 1093. Л. 70, 120; Тамбовская правда. 1925. 2 октября.

руководством А. Антонова. Мощным катализатором крестьянской активности выступили сельские сходы, благодаря которым существовавшее в деревне недовольство облекалось в коллективные организованные формы протеста. Без массового схода зачастую оно так и оставалось не проявленным. Важную роль в подготовке сельского «мира» к антиправительственным выступлениям играли и внешние по отношению к общине силы: пропагандисты и агитаторы политических партий, участники повстанческих формирований и др.

При содействии сходов в населенных пунктах Тамбовской губернии было создано более трехсот комитетов «Союза трудового крестьянства» (СТК), ставшего организационным ядром крестьянского движения.¹ Учитывая то обстоятельство, что многие селения целиком присоединились к восстанию, органы советской власти принимали решения о коллективной ответственности крестьян за участие в «бандитском» движении. В таких случаях ультиматумы властей о выдаче бандитов и оружия предъявлялись, как правило, всему сельскому сходу, а репрессии распространялись на всех жителей данных сел и деревень.²

В послереволюционной тамбовской деревне при посредничестве общины осуществлялись различные формы социальной защиты, одна из которых – борьба с пожарами. Пожары в селах были обычным явлением, приобретавшим порой значительные размеры и весьма разрушительный характер. Выгорали целые деревни с хозяйственными запасами и скотом; пожары уносили немало человеческих жизней. Деревенский быт (наличие обильного горючего материала в виде деревянных и соломенных построек, скученность строений, нехватка средств тушения огня) способствовал распространению пожаров. В 1925/26 году, к примеру, в Тамбовской губернии произошел 4941 пожар. 90% всех пожаров приходилось на сельские местности.³

Особое место крестьянской самодеятельности в проведении противопожарных мероприятий объяснялось, прежде всего, тем обстоятельством, что средства, выделяемые государством на организацию противопожарной защиты, были явно недостаточными. Так, в 1925/26 г. из местного бюджета было отпущено на пожарную охрану 240.155 руб. Однако, даже по самым скромным подсчетам на противопожарные мероприятия

¹ Есиков С.А., Канищев В.В. «Антоновский НЭП» (организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920-1921 гг. // Отечественная история. 1993. № 4. С. 60, 64-65.

² Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 58.

³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1500. Л. 99.

требовалось в этом году 474.728 руб.¹ В данных условиях социальная активность крестьянской общины служила существенным дополнением работы государственных органов по улучшению противопожарной безопасности в Тамбовской губернии.

Деятельность общины в этой области сводилась, главным образом, к приобретению пожарного инвентаря, оказанию материальной поддержки погорельцам и организации добровольных пожарных дружин. В 1925/26 г. в Тамбовской губернии насчитывалось 319 добровольных пожарных дружин, объединявших 7.319 человек.² Как видно из этих цифр, добровольные пожарные дружины существовали не во всех селениях губернии. Больше распространение в те годы получил институт пожарных старост, которые избирались сходами с целью организации борьбы с пожарами.³

Широкое распространение в тамбовской деревне имела общественная помощь погорельцам. Решение об объеме и формах такой помощи принималось на сельском сходе. Случаи отказа «мира» удовлетворить просьбу погорельца встречались крайне редко. Обычно потерпевшие получали поддержку в денежной форме, в виде трудовой помощи (рубка леса для строительства дома, вывозка бревен на место стройки и т.д.) или посредством наделения дополнительной землей из общественного фонда.⁴

Отдельным направлением социальной работы общины стало участие в организации помощи голодающему населению. В числе первоочередных вопросов, обсуждавшихся на сходах, проходивших в 1921 г., был вопрос о сборе продуктов и денежных средств в фонд помощи голодающим Поволжья. Только в период недели помощи голодающим Поволжья (15-21 октября 1921 г.) тамбовскими крестьянскими обществами было собрано в пользу голодающих 69.947 пудов 7 фунтов продуктов, 3.312 штук яиц, более 200 млн. руб. и большое количество домашних вещей.⁵

В 1925 г. критическое положение с продовольствием сложилось в самой Тамбовской губернии. По неполным официальным сведениям вследствие неурожая здесь голодало 50-60% крестьянского населения. В ряде районов голодом были охвачены целые села.⁶ Несмотря на то, что ведущая роль в деле

¹ Там же. Л. 100 об.

² Там же. Л. 99 об.; Д. 1083. Л. 127-127 об.

³ Там же. Д. 1083. Л. 6 об., 127-127 об.; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 12. Л. 79.

⁴ Наша правда. 1925. 12 сентября.

⁵ Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета. 1921. 16, 23 августа, 18, 27 октября.

⁶ Тамбовская правда. 1925. 27 мая; ГАТО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 946. Л. 18.

ликвидации последствий недорода в Тамбовской губернии принадлежала государству, активно действовала в этом направлении и сельская община. В период продовольственных трудностей она являлась важным связующим звеном между государством и крестьянством. Признавая эту функцию за общиной, правительство призывало крестьян к активным самостоятельным действиям в данной сфере. На сельских сходах того периода оценивались размеры голода, постигшего то или иное селение, составлялись прошения к органам власти об оказании продовольственной помощи¹, составлялись списки лиц, нуждавшихся в ссуде, и выбирались представители в уездные, волостные и сельские семенные тройки, занимавшиеся ее распределением.²

Широкое распространение получила в тамбовской деревне трудовая взаимопомощь. Ее развитию способствовало то обстоятельство, что в послереволюционные годы в селе заметно усилился процесс семейно-имущественных разделов, в результате которых возникало большое количество новых дворов, связанных друг с другом близкими родственными узами. Одной из традиционных форм крестьянской взаимопомощи являлись так называемые «помочи». По определению статистиков 20-х гг., помочи были особым родом использования чужой рабочей силы. Их особенность заключалась в том, что плата за труд выдавалась не деньгами, а угощением работающих. Их кормили обедом, а в отдельных случаях снабжали и небольшими денежными суммами. Работы, при которых прибегали к помочам, носили, как правило, сезонный характер. Они требовали быстрого выполнения и привлечения значительного числа крестьян.³

Мирская «помочь» собиралась на Руси традиционно в воскресные и праздничные дни. Этот обычай, правда, в несколько измененном виде, сохранялся и в послереволюционной деревне. В помощь безлошадным крестьянам сельские сходы устраивали воскресники. Особенно широко трудовая помощь оказывалась на новые государственные праздники: 1 мая, 8 марта и т.д.⁴

Одной из форм производственной взаимопомощи на селе была супряга. Под термином «супряга» понималось объединение рабочей силы, скота и инвентаря нескольких крестьянских семей с целью проведения

¹ ГАТО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 949. Л. 135.

² Тамбовская правда. 1925. 28 мая, 1 июля, 16 августа.

³ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. Л. 136.

⁴ Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета. 1920. 24 апреля; 1921. 5 июля, 4 августа, 7 октября.

сельскохозяйственных работ. Супруга существовала в русской деревне с давних пор. Наиболее интенсивно она использовалась крестьянами в периоды экономического упадка их хозяйств и резкого снижения степени их оснащённости рабочим скотом и инвентарем. Революция и гражданская война, приведшие к существенному сокращению на селе рабочего скота, стимулировали применение супруги в деревне. Как правило, в супруге участвовали приблизительно равнозначные по своей мощности крестьянские семьи, имевшие определенное количество рабочего скота и инвентаря (т.е. имели то, чем можно было бы «супругаться»). В Тамбовской губернии супруга применялась обычно при весенней пахоте, в период сенокоса, уборки хлебов и молотбы.¹

Изучение развития институтов социальной защиты крестьянства в годы НЭП(а) будет неполным без рассмотрения деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ), создававшихся на основе декрета СНК РСФСР от 14 мая 1921 г. В круг их деятельности входили организация крестьянской взаимопомощи в случае неурожая, пожаров и других социальных или стихийных бедствий; налаживание общественной трудовой помощи в деревне; содействие органам власти в устройстве учреждений социального обеспечения и т.п.²

Советская власть закрепила своим декретом уже имевшийся в крестьянской среде опыт социальной взаимопомощи, традиции которой складывались в общине в течение веков. Община обладала широкими правами по организации обществ взаимопомощи и контролю за их деятельностью. На сходах происходило избрание комитетов, определялся размер обязательного взноса в фонд взаимопомощи, заслушивались отчетные доклады комитетов о практической деятельности. Кроме того, продолжительное время содержание аппарата кресткомов также происходило за счет общинных средств.³

К 1 октября 1922 г. ККОВ были организованы в большинстве волостей и селений губернии. Так, из насчитывавшихся здесь 361 волостей и 2825 селений, общества взаимопомощи возникли в 357 волостях и 2392 селениях.

¹ Вебер К.К. Очерк сельского хозяйства Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С.50.

² ГАТО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.519. Л.45-45 об.

³ Гусев Л.Н. Роль самодеятельных крестьянских общественных организаций в подъеме общего образования и культуры взрослого населения российской деревни (1917-1927 гг.) // Проблемы социально-политической истории Центрального Нечерноземья. Сб. науч. трудов. Тверь, 1993. Л.28-29; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 46 об.; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 882. Л. 117. Согласно закону содержание ККОВ должно было производиться за счет Народного комиссариата социального обеспечения по сметам, утвержденным уездными отделами социального обеспечения.

Причем в ряде уездов (Борисоглебском, Моршанском, Козловском, Кирсановском, Усманском, Шацком) кресткомы были образованы во всех волостях и селениях. К 1928 г. сеть ККОВ охватывала по губернии 75% крестьянских хозяйств.¹

Социальная деятельность общины не ограничивалась благотворительностью и трудовой взаимопомощью. Сельское общество вмешивалось также в семейный быт крестьян, в особенности, в сферу воспитания детей, устанавливало опеку над личностью и имуществом проживавших в общине сирот.

Следствием войн и революций начала XX в. стало заметное увеличение в русской деревне числа детей, оставшихся без родителей. По подсчетам Тамбовского губернского отдела народного образования, в 1926 г. в сельских местностях проживало около 4 тыс. беспризорников.² Поскольку государство не обладало необходимыми средствами для воспитания и обучения таких детей, немалая доля ответственности за их судьбу ложилась на плечи самого крестьянского населения.

По сложившемуся в сельских обществах Тамбовской губернии обычаю, после смерти домохозяина опекуницей становилась его вдова. В случае смерти обоих родителей в опекуны избирался кто-либо из их ближайших родственников, преимущественно, по отцовской линии (дед или дядя). Если после смерти домохозяина оставался взрослый сын, то опека не назначалась.³ В некоторых крестьянских обществах устанавливался контроль за опекунами, которые обязывались давать «миру» устные отчеты о состоянии имущества малолетних. В виде вознаграждения за труд опекунов им предоставлялось право бесплатного пользования землей опекаемого.⁴ Во второй половине 20-х гг. дела об учреждении опеки были переданы в ведение сельских Советов.⁵

Деятельность общины в социально-культурной сфере

Важным направлением деятельности сельского схода в первое послереволюционное десятилетие являлась поддержка сельских учреждений социально-культурного плана: школ, изб-читален, библиотек, больниц. В послереволюционные годы народное образование Тамбовской губернии

¹ ГАТО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 185(б). Л. 279; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1841. Л. 90.

² Тамбовский крестьянин. 1926. 16 апреля.

³ Обычаи в приговорах сельских сходов Тамбовской губернии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. С.85; ГАТО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 12. Л. 63-63 об.

⁴ ГАТО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 12. Л. 50, 52об., 63-63об., 83.

⁵ Земельный кодекс 1928 г. С.204; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1078. Л. 7.

переживало нелегкие времена. Губерния являлась наиболее отсталой по уровню грамотности во всем Центрально-Черноземном регионе: на каждые 100 человек населения здесь приходилось 84 неграмотных. Поэтому государство рассматривала развитие народного образования в качестве своей первоочередной задачи. С конца 1918 г. в губернии повсеместно вводилась единая трудовая школа двух ступеней – для детей в возрасте от 8 до 13 лет и от 13 до 17 лет. На нужды образования было выделено 256 млн. руб. – значительные по тому времени средства.¹

В период проведения новой экономической политики система финансирования образования претерпела существенные изменения. 15 сентября 1921 г. СНК РСФСР издал декрет «О мерах к улучшению снабжения школ и других правительственных учреждений», в соответствии с которым средние учебные заведения были разбиты по источникам финансирования на три категории: 1) школы на государственном бюджете (в Тамбовской губернии на госбюджете осталось всего 59 школ); 2) школы на местном бюджете (781 школа I ступени и 11 школ II ступени); 3) школы, источником финансирования для которых являлось самообложение крестьянского населения (более 1600 школ). Как показывает эта статистика, более половины всех школ в Тамбовской губернии находилось на содержании сельских обществ.²

Перевод школ на новые формы финансирования протекал тяжело. Подорванные гражданской войной и разрухой крестьянские хозяйства не могли служить нормальной базой для развития школьного дела. Самообложение было проведено в размере лишь 3-4% от принятых сходами средств. Помощь получили всего 8-10% сельских школ. Многие школы были лишены самого необходимого: не хватало топлива и оборудования, школьные работники не получали поддержки ни от государства, ни от местного населения. Значительное количество школ (к концу 1921/22 учебного года 755 школ I ступени и 71 школа II ступени) закрылось.³

В то же время школы, находившиеся на обеспечении сельской общины, более стойко перенесли изменение системы финансирования, чем учебные заведения, финансируемые из государственного и местного бюджета. Крестьяне сознавали важность школьного образования и даже выражали стремление к открытию новых учебных заведений. Это было особенно

¹ Культурное строительство в Тамбовской губернии. 1918-1928. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1983. С.6.

² Там же.

³ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С.26-29.

характерным для районов, менее других подверженных хозяйственному разорению. По мере восстановления сельского хозяйства положение народной школы заметно упрочилось. После хорошего урожая, собранного крестьянами в 1923 г., многие школы в губернии после продолжительного перерыва вновь приступили к работе.

Немалое влияние на улучшение положения сельской школы оказал декрет от 31 августа 1925 г. о всеобщем обучении. С изданием декрета денежные ассигнования на школьное строительство из государственного и местного бюджета заметно увеличивались. Однако даже в эти более благополучные для тамбовской деревни времена крестьянская самодеятельность оставалась важным фактором развития школьного дела. В 1927/28 учебном году сельские общества построили 10 новых и восстановили 24 старые школы.¹

Социально-культурная деятельность общины не ограничивалась поддержкой учебных заведений. Сельские общества занимались также организацией библиотек и народных домов, устройством изб-читален, выписывали газеты и устанавливали в своих районах радиостанции.²

В изучаемый период, когда политическое руководство страны последовательно осуществляло антицерковную политику, многие сельские общества оказывали материальную помощь приходам Русской православной церкви.³ В ряде случаев крестьяне стремились принудить школу заменить преподавание общественно-политических наук законом Божиим. Надо сказать, что некоторые школы губернии впервые послереволюционные годы под угрозой лишения поддержки общины, выполняли требования крестьян и вели преподавание по старым программам и учебникам.⁴ Таким образом, несмотря на проводимую большевистской властью в 20-е гг. антицерковную политику, в некоторых местностях Тамбовской губернии крестьянская община и община религиозная продолжали действовать в тесном контакте. Крестьяне ревностно следили за сохранением религиозных традиций, с осторожностью относились к проводимым советской властью нововведениям, нарушающим традиционные устои сельской жизни.

¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 201.

² См.: Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета. 1920. 5 мая; Тамбовская правда. 1925. 31 мая, 4 сентября.

³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 7; Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета. 1921. 24 декабря.

⁴ Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство. 1921-1927. (По материалам Европейской части РСФСР). М., 1983. С.56.

Итак, после 1917 г. структура крестьянского самоуправления претерпела существенные изменения. В ходе преобразований были упразднены должности волостных старшин, волостных писарей, сельских старост и др. Им на смену пришли Советы, выполнявшие главным образом административно-фискальные функции дореволюционных мирских органов. Вместе с тем в деревне продолжал действовать традиционный институт крестьянского самоуправления – сход. Советская власть, исходя из соображений практической политики, стремилась демократизировать его состав, предоставив право участвовать в работе схода всем мужчинам и женщинам, достигшим 18 лет. Однако вплоть до конца 20-х гг. в большинстве мест Тамбовской губернии крестьянский сход представлял собой, как правило, обычное собрание домохозяев с незначительным участием молодежи и женщин.

Наблюдалась тенденция к слиянию органов общинного самоуправления с низовыми органами советской власти. При совпадении их территориальных границ функции исполнительного органа земельного общества осуществлялись сельским советом. В связи с этим в 1920-е гг. в системе крестьянского самоуправления сохранилось немало элементов общинной организации дореволюционного времени.

В послереволюционной деревне община традиционно выступала в качестве института социальной защиты крестьянства. Наиболее ярко данная функция общины проявлялась в периоды природных и социальных катаклизмов, оказывавших неблагоприятное воздействие на состояние крестьянского хозяйства. Община в подобных условиях играла роль связующего звена между государством и крестьянством. В годы неурожая сельские сходы Тамбовской губернии оценивали размеры голода, составляли списки нуждавшихся в продовольственной помощи, занимались распределением полученных от государства продуктов.

Традиции благотворительности и взаимопомощи, существовавшие в крестьянском «мире» с давних пор, находили свое продолжение и в новых формах социальной защиты. Одной из них явилась деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, создававшихся при поддержке государства на основе широкой самодеятельности сельского населения. Комитеты внесли весомый вклад в восстановление сельского хозяйства

губернии, стимулировали рост кооперативного движения, содействовали культурному развитию тамбовской деревни.

Социальная деятельность общины не ограничивалась организацией крестьянской взаимопомощи и благотворительности. Сельское общество занималось также поддержкой учреждений социально-культурного плана: школ, библиотек, изб-читален, церкви и др. Социально-культурная активность общины являлась в изучаемый период существенным дополнением деятельности государственных органов в сфере социального обеспечения, образования, благоустройства села. Обеспечивая нормальное функционирование школ и библиотек, заботясь о состоянии церкви, община способствовала сохранению сложившихся в деревне традиций, ее культурному и духовному просвещению.